

Даже имея номер телефона Му Цзэ, они не решались действовать, опасаясь, что одно неверное движение может лишь усилить ненависть мальчика. Фан Ваньжун была отдана семьёй Цинь в руки кровожадных маньяков, где её подвергли пыткам, и она умерла, истекши кровью. Теперь у них не осталось объекта для мести, ведь семья Му всё же была родной для Му Цзэ, и они не могли слишком сильно её подавлять.

Старик Мэн хотел вызвать Му Ханя и остальных, чтобы избить их, но не желал, чтобы они приезжали в Юньчэн. Му Цзэ с таким рвением покинул Хайчэн, вероятно, не хотел снова оказаться в одном городе с семьёй Му.

Сейчас самое важное — не наказание семьи Му, а то, как дать понять Му Цзэ, что в Юньчэне у него есть родные, и как заслужить его прощение.

Почесав голову, Мэн Южань вспомнил, что его старший брат последние два дня был в родовом поместье, и направился к его комнате на втором этаже.

Му Цзэ не знал, что в Юньчэне у него есть родственники. Прежний хозяин тела, казалось, не испытывал сильных чувств к родным со стороны матери, и в его памяти мелькали лишь смутные образы. В отличие от семьи Му, к которой он был привязан, жаждал их любви и спасения, каждый раз боль от их равнодушия врезалась в его сердце. Иногда во сне он видел, как они поворачивались к нему спиной, спешно уходили, не бросая ни одного лишнего взгляда на несчастного ребёнка.

Отчаяние от того, что его бросили, беспомощная печаль заставляли Му Цзэ просыпаться в слезах. В такие моменты он мечтал, чтобы рядом был кто-то, кто напомнил бы ему, что он не одинок, что его не все забыли, что он не стоит одиноко в пустыне, окружённый невидимым одиночеством и холодом.

Сегодня утром он также проснулся в слезах. В комнате слышалось только дыхание Цюй Чжэньго и остальных, что в тишине казалось особенно громким, заставляя сердце Му Цзэ постепенно успокаиваться. Тихо спустившись с кровати и собравшись, он надел пальто и вышел на улицу. Открыв дверь, он увидел белый мир перед собой. Ранее он не открывал шторы, поэтому не заметил, что это был первый снег в начале зимы. Мелкие снежинки, похожие на крупинки, медленно падали с неба, касаясь его лица и превращаясь в капли холодной воды. Му Цзэ поднял голову, наблюдая за снежинками, танцующими в воздухе, и его настроение также поднялось.

Снежинки покрыли землю тонким слоем, и, наступая на них, Му Цзэ слышал хруст под ногами. Оглянувшись, он увидел следы своей обуви на снегу. Так, то идя, то останавливаясь, он добрался до столовой, позавтракал, а затем, достав карту маршрута, сел на автобус, направляющийся в Национальную библиотеку.

В это время был час пик, и в автобусе было много людей. Му Цзэ держался за поручень, покачиваясь вместе с толпой. В его море сознания множество разноцветных кругов двигались в одном ритме, что выглядело довольно забавно, и двадцатиминутная поездка показалась не такой скучной.

Выйдя из автобуса, он увидел перед библиотекой стенд с рекламой художественной выставки, на которой подробно описывались достижения и награды Сюй Тяньцзиня, но фотографии самого художника не было.

С билетом, который дал ему Сюй Тяньцзинь, Му Цзэ вошёл в длинную галерею, просторную и светлую. На стенах висели два ряда картин, под каждой из которых было краткое описание:

время создания, контекст, что помогало глубже понять замысел художника.

Под каждой картиной не было подробного анализа, оставляя зрителю пространство для собственных размышлений. Му Цзэ спокойно рассматривал их, когда его телефон, переведённый в режим вибрации, вдруг зазвонил. Он тихо ответил:

— Алло?

— Сяо Цзэ? По голосу я понял, что ты уже там, — с улыбкой сказал Сюй Тяньцзинь, услышав тихий голос на другом конце.

— Угу, — Му Цзэ узнал голос Сюй Тяньцзиня, холодный и отстранённый, как и сам мужчина.

— У меня тут ещё несколько человек, с которыми нужно поговорить, — с сожалением произнёс Сюй Тяньцзинь. — Наверное, не смогу быть с тобой. Как насчёт того, чтобы пообедать вместе?

— В обед у тебя встреча с профессором Чжаном, Тяньцзинь, ты не сможешь быть со своим юным другом, — вмешалась сестра На, его менеджер, поправляя очки.

Сюй Тяньцзинь злобно посмотрел на неё.

— Профессор Чжан не нуждается в компании, торговцы картинами будут носить его на руки.

Профессор Чжан был живой легендой в мире живописи, но его способ оценивать людей заключался в постоянной критике. Каждый раз, встречаясь с ним, Сюй Тяньцзинь подвергался разгромной оценке, после которой следовали лишь несколько скупых похвал.

Сестра На фальшиво улыбнулась.

— Ха-ха, но профессор Чжан не нуждается в том, чтобы его носили на руках. Это твоя выставка, и если ты не хочешь, чтобы ни одна картина не была продана, лучше веди себя прилично!

Сюй Тяньцзинь с тоской посмотрел на неё, и от его холодного образа не осталось и следа.

— Мои картины не для продажи.

Ему не нужны были деньги, он любил свои работы и предпочитал оставить их себе.

Сестра На оскалилась.

— Гениальный художник, исчерпавший свой талант, — подумай о заголовках в завтрашних газетах. И эти картины уже не только твои, подумай о компании, о Люй Цзе.

Вспомнив холодное и строгое лицо Люй Цзе, Сюй Тяньцзинь вздрогнул. На другом конце провода юноша тихо рассмеялся, его голос был лёгким, как перо.

— Ладно, я сам разберусь с обедом, занимайся своими делами.

— Извини, в следующий раз я обязательно всё компенсирую, — с сожалением сказал Сюй Тяньцзинь. Он пригласил его на выставку, а теперь оставил одного. — Может, я кого-нибудь отправлю к тебе?

— Не нужно, — тихо ответил Му Цзэ. — Я не люблю незнакомцев, всё в порядке, мне нравится

смотреть выставку в одиночестве.

Сюй Тяньцзинь с сожалением повесил трубку, раздражённо посмотрел на сестру На, поправил одежду и, снова приняв холодный и меланхоличный вид, вышел из комнаты, где его сразу окружила толпа людей.

Му Цзэ поднял голову и внимательно рассмотрел картину перед собой. Это была типичная западная Мадонна, женщина с мягким выражением лица, её взгляд полон бесконечного сострадания и милосердия, успокаивая зрителя. Уголки её губ были изящно приподняты, но при ближайшем рассмотрении казалось, что в этой улыбке скрывалась странная холодность. В сочетании с сострадательным взглядом она напоминала божество, равнодушно вззирающее на мир, наблюдающее за жизнью и смертью, где все радости и горести не оставляли в её глазах ни следа.

Му Цзэ взглянул на описание под картиной. Прототипом персонажа была женщина-врач, работавшая на фронте сто лет назад. Она спасла множество жизней, но её собственный ребёнок погиб в лагере для беженцев, случайно раненный солдатами, преследовавшими дезертиров. Она, рискуя жизнью, лечила солдат на передовой, а её любимый ребёнок был убит своими же. Женщина окончательно сломалась, и из ангела в белом халате превратилась в демона.

Похоронив своего ребёнка, она подмешала яд в лекарства и воду в лагере. В ту ночь погибли тысячи солдат, фронт рухнул, а страна пала. Сама же врач бросилась в огонь.

«Те, кого я спасла, должны последовать за мной», — были её последние слова.

— Тебе нравится? — знакомый голос заставил Му Цзэ обернуться.

Перед ним сидел в инвалидном кресле мужчина, а за ним стоял А И, как всегда, толкавший коляску.

— Брат Лян? — Му Цзэ был крайне удивлён, не ожидая встретить Лян Цюаня в Юньчэне, но, вспомнив, что тот всегда держал в руках мольберт, юноша всё понял. — Ты тоже пришёл на выставку?

Лян Цюань мягко улыбнулся.

— Просто оказался в Юньчэне по делам и услышал о выставке.

А И сжал губы. Дела в Юньчэне не требовали личного присутствия Лян Цюаня, и они приехали в Университет Юньчэна утром, только чтобы узнать, что Му Цзэ отправился на выставку. До этого Лян Цюань даже не знал о её существовании.

Му Цзэ ничего этого не знал. Вода, окружавшая мужчину, переливалась красивыми оттенками голубого, и, хотя он не мог её потрогать, наблюдать за ней было приятно.

Лян Цюань погладил плед, лежащий у него на коленях, — тот самый, который подарил ему Му Цзэ. В последнее время боковая ветвь семьи Лян начала проявлять беспокойство, и его два посредственных брата снова начали глупить. Видимо, он стал слишком мягок, и они забыли о его методах.